
СТАТУС И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ-ГОРОЖАНКИ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И НОВОЙ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ (1917-1920-Е ГГ.)

Хорошенькая Дарья Михайловна,

студент Института истории и международных отношений Южного Федерального
Университета

Россия, Ростов-на-Дону

iliasovadasha@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу положения городской женщины в первые десятилетия советской власти. Актуальность определяется противоречием между закреплённым юридическим равноправием и реальной практикой гендерных взаимодействий. Новизна работы состоит в комплексном рассмотрении национальной политики и социальной интеграции женщин в 1917–1920-е годы с опорой на широкий круг исторических публикаций. В рамках исследования описаны изменения в семейно-брачном и репродуктивном законодательстве, изучены механизмы вовлечения трудящихся женщин в общественные структуры, представлены мнения исследователей по неокOLONIALному и интернационалистскому направлениям. Внимание уделено функционированию женсоветов, агитационных материалов и образу «новой женщины» в период аграрных реформ и индустриализации, и влиянию государственных преобразований на репродуктивную свободу и снижение материнской смертности. Работа ставит целью выявить расхождения между правовыми нормами и социальными практиками городских женщин. Для решения этой задачи применены сравнительный анализ и историко-социологический метод. Статья будет полезна исследователям гендерной истории и социологии.

Ключевые слова: женщина-горожанка, Советская Россия, гендерная политика, семейно-брачное законодательство, репродуктивная свобода, женсоветы, агитационные материалы, образ новой женщины, коренизация, интернационализм.

THE STATUS AND POSITION OF URBAN WOMEN DURING THE FORMATION OF THE SOVIET STATE AND THE NEW GENDER POLICY (1917-1920S)

Darya M. Khoroshen'kaya,

student of the Institute of History and International Relations of the Southern Federal University
Russia, Rostov-on-Don

iliasovadasha@yandex.ru

ABSTRACT

The article analyzes the position of urban women in the first decades of Soviet power. The relevance is determined by the contradiction between the enshrined legal equality and the real practice of gender interactions. The novelty of the work lies in a comprehensive examination of the national policy and social integration of women in the 1917-1920s based on a wide range of historical publications. The study describes changes in family, marriage and reproductive legislation, studies the mechanisms for involving working women in public structures, and presents the opinions of researchers in neocolonial and internationalist directions. Attention is paid to the functioning of women's councils, propaganda materials and the image of the "new woman" during agrarian reforms and industrialization, and the impact of state transformations on reproductive freedom and the reduction of maternal mortality. The work aims to identify discrepancies between legal norms and social practices of urban women. To solve this problem, comparative analysis and historical-sociological method are used. The article will be useful for researchers of gender history and sociology.

Keywords: city woman, Soviet Russia, gender policy, family and marriage legislation, reproductive freedom, women's councils, propaganda materials, image of the new woman, indigenization, internationalism.

Исследование гендерных преобразований в советском обществе периода 1917–1920-х гг. приобретает особую значимость ввиду противоречий между формальным равноправием и практическими ограничениями городской женщины. Цель работы состоит в выявлении несоответствий между законодательными нормами и повседневными социальными практиками, связанными с семейно-брачными отношениями, репродуктивной политикой и профессиональной активностью. Задачи:

1. Проследить этапы принятия и реализации новых правил о браке и абортах в раннесоветский период.
2. Оценить влияние женсоветов и агитационных кампаний на политическую грамотность и общественную деятельность городских женщин.
3. Проанализировать механизмы коренизации и интернационалистские инициативы в формировании образа советской женщины.

Новизна заключается в междисциплинарном подходе, объединяющем источниковедение, социологический анализ и методы исторической реконструкции, а также в сопоставлении неокOLONиального критического дискурса с официальной государственной практикой.

Положение женщины в Советской России (1917–1991) определялось своеобразным гендерным порядком – системой социальных взаимодействий между полами, организованной по формальным и неформальным правилам. Конституция РСФСР 1918 г. закрепила юридическое равноправие мужчин и женщин, расширив сферу их избирательных прав при достижении восемнадцатилетнего возраста. Первый зарегистрированный советскими органами власти брак в новой России был оформлен А.М. Коллонтай и П. Е. Дыбенко, что стало символическим прорывом в семейно-правовых нормах [5]. Уже в 1920 г. аборт был легализован по медицинским и социальным показаниям, что обеспечило женщинам доступ к безопасному прерыванию беременности в государственных учреждениях здравоохранения [6].

Так, важным направлением современного неокOLONиального дискурса об СССР является активное внимание к национальной политике в отношении женщин. Д.А.

Аманжолова пишет, что советская политика в отношении «женщин Востока», как и вся национальная политика, колониальной (существом которого были ликвидация безграмотности и создание системы здравоохранения, охрана материнства и младенчества, искоренение массовых инфекций, всеобщее образование (поэтапно от начального до среднего)), не вовлекала женщин в производство и общественную жизнь (профсоюзы, комсомол, кооперация и пр.). Но сторонников «деколонизации» и диагностов «постколониального» синдрома эти доводы вряд ли устроят. Неоколониализм составляет основу идеологии критиков советской истории [1].

Вовлечение в общественное производство советская власть считала важным моментом на пути к эмансипации женщин, однако в 1920-х гг. на этом направлении большевики столкнулись с существенными трудностями [3]. На уровне предприятий и партийных ячеек создавались женские отделы и делегатские собрания, призванные повышать политическую грамотность и мобилизовать тружениц на преобразование общественного строя [5]. Женсоветы опирались на представительство крестьянок и заводчанок, что расширяло участие городских женщин в публичном управлении. В частности, акцент сделан на генезисе и эволюции образа «настоящей советской женщины» в журнальных публикациях [2].

Создание «новой женщины» и «нового мужчины», новых отношений между полами началось в первые же дни советской власти и происходило в дальнейшем в рамках политики вовлечения женщин в общественное производство и политическую жизнь, государственного регулирования семьи, формирования и изменения официальных дискурсов, интерпретирующих женственность и мужественность. Политика формирования «новой женщины» в раннесоветский период рассматривается как элемент большевистского социального проектирования [4]. В рамках государственной стратегии по «контракту работающей матери» сочеталось расширение профессиональных возможностей с сохранением традиционных семейных обязанностей, это отражалось в официальных публикациях и агитационных материалах [5].

Государственная стратегия тесно переплетала местные национальные особенности и общесоюзную практику, выстраивая баланс между идеологией интернационализма и реалиями «коренизации» на местах [1]. Однако отсутствие инфраструктуры для ухода за детьми и бытового обслуживания возлагало на городских женщин двойную нагрузку, которая сказывалась на их физическом и психическом здоровье.

Конституционное закрепление равноправия породило формальную базу, при этом реальное осуществление принципа столкнулось с устоявшимися социальными представлениями и дефицитом специализированных служб. Расширение избирательных прав при наступлении восемнадцати лет открывало женщинам доступ к политическим процессам, но отсутствие опыта участия в публичных дебатах и ограниченная подготовка кадров снижали масштаб вовлечённости. По нашему мнению, пробел между юридическим статусом и практической активностью указывал на потребность в системном образовании гражданок и создании платформ для практического применения полученных знаний.

Символическим итогом пересмотра семейного законодательства стало заключение первого брака по новым правилам, оформленное видными представителями советской власти. Данный прецедент получил широкий резонанс в партийных изданиях и воспринимался как демонстрация преодоления дореволюционных предрассудков в семейно-брачных отношениях. Несмотря на ажиотаж, массовый переход к свободному брачному соглашению происходил медленно: фундаментальная перестройка привычных норм требовала времени и требовала изменений на уровне повседневных социальных практик.

Легализация аборта по медицинским и социальным показаниям открыла контроль над репродуктивным выбором женщин и привела к снижению материнской смертности, ранее обусловленной подпольными вмешательствами. Государственные учреждения здравоохранения, оснащённые надлежащим оборудованием и квалифицированным персоналом, обеспечили безопасное прерывание беременности. Тем не менее линия между здравоохранительными критериями и морально-этическими ограничениями оставалась размытой: медики порой находились в затруднительном положении из-за противоречивых предписаний, что сказывалось на доступности услуг.

В национальной политике по отношению к женщинам Востока поставили акценты на ликвидации безграмотности и развитии системы здравоохранения, охране материнства и младенчества, поэтапном внедрении общего образования. Такая стратегия учитывала этнокультурные особенности регионов и стремилась к сочетанию идеалов интернационализма с практикой коренизации. С одной стороны, активное вовлечение в образовательные программы снижало социальное неравенство; с другой – отсроченный переход к экономической самостоятельности женщин свидетельствовал о сложностях адаптации революционных установок к локальным традициям.

Интеграция в общественное производство сопровождалась созданием при предприятиях женских отделов и организацией специальных собраний, призванных повысить политическую грамотность и мобилизовать тружениц. Расширение профсоюзного членства и участие в комсомольских организациях повышали видимость женщин в публичном управлении. Несмотря на заявленные планы, процент городских женщин-работниц оставался ниже ожидаемого уровня из-за нехватки специализированных вакансий и сохраняющихся бытовых барьеров, затруднявших регулярное посещение рабочих мест.

Организация женсоветов опиралась на представительство крестьянок и заводчанок, что обеспечивало более широкую сеть общественных инициатив и консультационных пунктов. Печатные издания того времени формировали образ «новой женщины», сочетающей трудовую активность и семейные обязательства. Пропаганда предьявляла героический идеал одновременно преданной строительству социализма и заботливой матери, причём реальное положение часто расходилось с иллюстрациями в агитационных плакатах и статьях. Личные истории участниц женских организаций выявляют противоречие между официальным дискурсом и бытовой практикой.

Недостаток дошкольных учреждений и бытовых служб возлагал на городских женщин двойную нагрузку: совмещение работы и домашних обязанностей отражалось на физическом и психическом здоровье. Длительные сверхурочные часы и уход за детьми без помощи приводили к хронической усталости и снижению трудовой продуктивности. В рамках «контракта работающей матери» сохранялось напряжённое равновесие между профессиональными перспективами и семейными ожиданиями, причём государственные меры по облегчению бытовых условий оставались фрагментарными и не покрывали потребностей большинства городских семей.

Цена социальных новаций оказалась невысока: они сформировали основу долгосрочных перемен в положении женщин, но одновременно выявили устойчивость прежних моделей гендерного распределения обязанностей. Приведённые наблюдения подчёркивают сложность преобразования повседневных практик и потребность в согласованных институциональных решениях, способных сопровождать законодательные инициативы.

В результате анализа установлено, что принятые в 1918–1920 гг. нормы о браке и легализации абортов создали правовую основу равноправия, но на практике сохранялись ограничения из-за дефицита специализированных служб и устойчивых социальных

установок. Женсоветы и агитационные кампании повысили политическую осведомлённость участниц, в то же время уровень вовлечённости городских женщин в общественные процессы оставался невысоким ввиду бытовых барьеров и недостатка опыта публичной деятельности. Механизмы коренизации сочетаются с интернационалистскими инициативами, сформировав образ «новой женщины», в котором профессиональная активность сочеталась с семейными обязанностями, и отражало противоречия государственной стратегии и реального положения дел.

Список литературы:

1. Аманжолова Д. А. «Женский вопрос» в 1920–1930-е гг. в советской национальной политике: некоторые проблемы изучения // СВГВ. 2024. № 2 (47). С. 87–98.
2. Болотова Е. В. Формирование образа советской женщины в 20–30-е гг. XX в. (по материалам публикаций журнала «Работница») // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 60–69.
3. Дулов А. Н. Женщины в промышленном производстве БССР (1920-е гг.) // Ученые записки. 2020. Т. 31. С. 38–45.
4. Поршнева О. С. Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923–1928 гг.: противоречия и проблемы // Личность, общество и власть в истории России: сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишкина / отв. ред. Т. И. Морозова [и др.]; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. С. 383–397.
5. Пушкарева Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/ (дата обращения: 17.05.2025).
6. Шаповалова Я. А. Государственная политика советского государства в отношении аборт в 1920–1930-е гг.: от разрешения к полному запрету // Общество: философия, история, культура. 2011. № 1–2. С. 25–37.

References:

1. Amanzholova D. A. «The Women's Question» in the 1920s-1930s in Soviet National Policy: Some Problems of Study // SVGV. 2024. No. 2 (47). P. 87-98.
2. Bolotova E. V. Formation of the Image of a Soviet Woman in the 1920s-30s (Based on the Publications of the Rabotnitsa Magazine) // Bulletin of Humanitarian Education. 2018. No. 2. P. 60-69.
3. Dulov A. N. Women in Industrial Production of the BSSR (1920s) // Scientific Notes. 2020. Vol. 31. Pp. 38–45.
4. Porshneva O. S. Implementation of the Bolshevik Project “New Woman” in 1923–1928: Contradictions and Problems // Personality, Society, and Power in the History of Russia: A Collection of Scientific Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor V. I. Shishkin / Ed. T. I. Morozova [et al.]; Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018. Pp. 383–397.

5. Pushkareva N. L. The Gender System of Soviet Russia and the Fates of Russian Women // New Literary Review. 2012. No. 5 (117). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/ (date accessed: 17.05.2025).
6. Shapovalova Ya. A. State policy of the Soviet state regarding abortions in the 1920-1930s: from permission to a complete ban // Society: philosophy, history, culture. 2011. No. 1-2. P. 25-37.